

О сказках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

О сказках. Максим Горький

Вы спрашиваете: что дали мне народные сказки, песни?

С живописью словом, с древней поэзией и прозой трудового народа, - с его литературой, которая в первоначале своем появилась до изобретения письменности и называется "устной" потому, что передавалась "из уст в уста", - с литературой этой я познакомился рано - лет шести-семи от роду. Знакомили меня с нею две старухи: бабушка моя и нянька Евгения, маленькая, шарообразная старуха с огромной головой, похожая на два кочана капусты, положенных один на другой. Голова у Евгении была неестественно богата волосами, волос - не меньше двух лошадиных хвостов, они - жесткие, седые и курчавились; Евгения туго повязывала их двумя платками, черным и желтым, а волосы все-таки выбивались из-под платков. Аицо у нее было красное, маленькое, курносое, без бровей, как у новорожденного младенца, в это пухлое лицо вставлены и точно плавают в нем синенькие веселые глазки.

Бабушка тоже была богата волосами, но она натягивала на них "головку" - шелковую шапочку вроде чепчика. Нянька жила в семье деда лет двадцать пять, если не больше, "нянчила" многочисленных детей бабушки, хоронила их, оплакивала вместе с хозяйкой. Она же воспитала и второе поколение - внуков бабушки, и я помню старух не как хозяйку и работницу, а как подруг. Они вместе смеялись над дедом, вместе плакали, когда он обижал одну из них, вместе потихоньку выпивали рюмочку, две, три. Бабушка звала няньку - Еня, нянька ее - Акуля, а ссорясь, кричала:

- Эх ты, Акулька, черная ведьма!

- А ты - седая ведьма, мохнатое чучело, - отвечала бабушка. Ссорились они нередко, но - на короткое время, на час, потом мирились, удивлялись:

- Чего орал? Делить нам - нечего, а орем. Эх, дурехи...

Если раскаяние старух слышал дед, он подтверждал:

- Верно: дуры.

И вот, бывало, в зимние вечера, когда на улице посвистывала, шарахалась, скреблась в стекла окон вьюга или потрескивал жгучий мороз, бабушка садилась в комнатенке рядом с кухней плести кружева, а Евгения устраивалась в углу, под стенными часами, прясть нитки, я влезал на сундук, за спиной няньки, и слушал беседу старух, наблюдая, как медный маятник, раскачиваясь, хочет стесать затылок няньки. Сухо постукивали коклюшки, жужжало веретено, старухи говорили о том, что ночью у соседей еще ребенок родился - шестой, а отец все еще "без места", поутру его старшая дочь приходила хлеба просить. Очень много беседовали о пище: за обедом дед ругался - щи недостаточно жирны, телятина пережарена. У кого-то на именинах успешному попу гитару сломали. Попа я знаю, он, бывая в гостях у деда, играет на гитаре дяди Якова, он - огромный, гривастый, рыжебородый, с большой пастью и множеством крупных белых зубов в ней. Это - настоящий поп, тот самый, о котором рассказывала нянька Евгения. А рассказывала она так: задумал бог сделать льва, слепил туловище, приладил задние ноги, приспособил голову, приклеил гриву, вставил зубы в пасть - готов! Смотрит а на передние ноги материалу нет. Позвал чёрта и говорит ему: "Хотел сделать льва - не вышло, в другой раз сделаю, а этого негодника бери ты, дурачина". Чёрт обрадовался: "Давай, давай, я из этого дерьма попа сделаю". Прилепил чёрт негоднику длинные руки, - сделался поп.

В доме деда слово "бог" звучало с утра до вечера: бога просили о помощи, приглашали в свидетели, богом пугали - накажет! Но, кроме словесного, никакого иного участия божия в делах домашних я не чувствовал, а наказывал всех в доме дедушка.

Из сказок няньки бог почти всегда являлся глуповатым. Жил он на земле, ходил по деревням, путался в разные человечьи дела, и все неудачно. Однажды застиг его в дороге вечер, присел бог под березой отдохнуть, - едет мужик верхом. Богу скушно было, остановил он мужика, спрашивает: кто таков, откуда, куда, то да се, незаметно ночь подошла, и решили бог с мужиком переночевать под березой. Наутро

проснулись, глядят – а кобыла му-жикова ожеребилась. Мужик обрадовался, а бог и говорит: "Нет, погоди, это моя береза ожеребилась". Заспорили, мужик не уступает, бог – тоже. "Тогда идем к судьям", – сказал мужик. Пришли к судьям, мужик просит: "Решите дело, скажите правду". Судьи отвечают: "Искать правду – денег стоит, дайте денег – скажем правду!" Мужик был бедный, а бог – жадный, пожалел денег, говорит мужику: "Пойдем к архангелу Гавриле, он даром рассудит". Долго ли, коротко ли – пришли к архангелу. Выслушал их Гаврила, подумал, почесал за ухом и сказал богу: "Это, господи, дело простое, решить его легко, а у меня вот такая задача: посеял я рожь на море-океане, а она не растет!" – "Глупый ты, – сказал бог, – разве рожь на воде растет?" Тут Гаврила и прижал его: "А береза может жеребенка родить?"

Иногда бог оказывался злым. Так, однажды шел он ночью по деревне со святым Юрием, во всех избах огни погашены, а в одной горит огонь, окошко открыто, но занавешено тряпкой, и как будто кто-то стонет в избе. Ну, богу всё надо знать. "Пойду, взгляну, чего там делают", – сказал он, а Юрий советует: "Не ходи, нехорошо глядеть, как женщина родит". Бог не послушал, сдернул тряпку, сунул голову в окно, а бабка-повитуха как стукнет его по лбу молочной крынкой – р-раз! Даже крынка – в черепки. "Ну, – сказал бог, потирая лоб, – человеку, который там родился, счастья на земле не будет. Уж я за это ручаюсь". Прошло много времени, лет тридцать, снова бог и Юрий идут полем около той деревни. Юрий показал полосу, где хлеб взошел гуще и выше, чем на всех других полосах. "Гляди, боже, как хорошо уродила земля мужику!" А бог хвастается: "Это, значит, усердно молил меня мужик!" Юрий и скажи: "А мужик-то самый тот, помнишь: когда он родился, тебя по лбу горшком стукнули?" – "Этого я не забыл", – сказал бог и велел чертям погубить полосу мужика. Хлеб погиб, мужик плачет, а Юрий советует ему: "Больше хлеба не сей, разведи скот". Прошло еще лет пяток, снова идут бог да Юрий полями той деревни. Видит бог: хорошее стадо гуляет, и он снова хвастается: "Ежели мужик меня уважает, так и я мужика ублажаю" *. А Юрий не утерпел, опять говорит: "А это скот того мужика..." Послал бог "морозную язву" на скот, разорил мужика. Юрий советует разоренному: "Пчел заведи". Миновали еще года. Идет бог, видит – богатый пчельник, хвастает: "Вот, Юрий, какой есть пчеляк счастливый у меня". Смолчал Юрий, подозвал мужика, шепнул ему: "Позови бога в гости, накорми медом, может, он от тебя отвяжется". Ну, позвал их мужик, кормит медом сотовым, калачами пшеничными, водочки поставил, медовухи. Бог водочку пьет, а сам все похвастывает: "Меня мужик любит, он меня уважает!" Тут Юрий третий раз напомнил ему про шишку на лбу. Перестал бог мед есть, медовуху пить, поглядел на мужика, подумал и сказал: "Ну, ладно, пускай живет, больше не трону!" А мужик говорит: "Слава те, боже, а я помру скоро, уж я всю мою силенку зря изработал".

-----* Ублажать – делать, дарить благо. (Прим. автора.)

Бабушка, слушая такие сказки, посмеивалась, а иной раз хохотала до слез и кричала:

– Ой, Енька, врешь! Да разве бог – такой? Он же добрый, дуреха!

Нянька, обижаясь, ворчала:

– Это – сказка, а не быль. И тоже есть и такой бог, вот возьми его у дедушки Василя...

Они начинали спорить, и это мне было досадно: спор о том, чей бог настоящий, не интересен, да и не понятен был мне, я просил бабушку и няньку спеть песню, но они поочередно и сердито кричали на меня:

– Отвяжись! Отстань!

Лет восьми я знал уже трех богов: дедушкин – строгий, он требовал от меня послушания старшим, покорности, смирения, а у меня все это было слабо развито, и, по воле бога своего, дедушка усердно вколачивал качества эти в кожу мне; бог бабушки был добрый, но какой-то бессильный, ненужный; бог нянькиных сказок, глупый и капризный забавник, тоже не возбуждал симпатий, но был самый интересный. Лет пятнадцать – двадцать спустя я испытал большую радость, прочитав некоторые из сказок няньки о боге в сборнике "Белорусских сказок" Романова. По сказкам няньки выходило, что и все на земле глуповато, смешно, плутовато, неладно, судьи – продажны, торгуют правдой, как телятиной, дворяне-помещики – люди жестокие, но тоже неумные, купцы до того жадны, что в одной сказке купец,

О сказках. Максим Горький gorkiyamaxim.ru
которому до тысячи рублей полтины не хватало, за полтинник продал ногайским татарам жену с детьми, а татары дали ему полтину подержать в руках да и угнали его в плен, в Крым к себе, вместе с тысячей рублей, с женою и детьми. Я думаю, что уже тогда сказки няньки и песни бабушки внушили мне смутную уверенность, что есть кто-то, "то хорошо видел и видит все глупое, злое, смешное, кто-то чужой богам, чертям, царям, попам, кто-то очень умный и смелый.

Я рано, вероятно, лет восьми, почувствовал, что такая сила существует, это чувство внушалось мне резким различием между сказками, песнями и жестокой жизнью, которая окружала, душила, толкала меня, всячески обижая. Сила эта, конечно, не няньки Евгении, ее все в доме считали "выжившей из ума", и даже верная ее подруга бабушка часто говорила ей:

- Ох, и глупа ты, Енька!

Сила эта чувствовалась за сказками и песнями, бабушка знала их бесконечно много. Дед не любил, когда она пела.

- Ну, завыва! - сердито покрикивал он.- Молитв, дура, не знаешь ни одной, а песен у тебя, как волос! Вот обрежу волосья-то...

Но когда он уходил из дома или работал в мастерской, на дворе, бабушка, непрерывно постукивая коклюшками, командовала няньке:

- Ну-ко, Енька, заводи.

И тоненьким горловым голоском, похожим на звук дудочки пастуха, нянька запевала:

Ой да собирались наши шерстобиты...

Бабушка, голосом погуще, подхватывала:

Во отхожие, в далеки промысла...

Почти все песни резко разноречили с обычными темами житейских бесед няньки, бабушки и всех в доме,- бесед о том, что картофель в подполье прорастает, надо его перебрать, пересыпать золой, что кто-то "заложил" деду кашемировую шаль и серебряные ложки, о том, что к моей матери сватается одноглазый часовщик Яковлев, а она не хочет выходить замуж за него, хотя у одноглазого три тысячи в банке лежит,- вообще говорили о быте сытом, зажиточном. А песни пели о жизни трудной, голодной, несчастной. Я и до сего дня отлично помню, как два старушечьих голоса негромко, нестерпимо заунывно выпевают бурлацкую жалобу:

Ой-ё-ёй, ой-ё-ёй,

Дует ветер верховой!

Мы идём-о-ом босы, голодны,

Каменьё-о-ом ноги порваны.

Ты подда-а-ай, Микола, помочи,

Доведи-и-и, Микола, до ночи!

Эй, ухнем! Да ой, ухнем!

Ша-агай крепче, друже,

Ло-ожись в лямку ту же!

Ой-ой, оё-ёй...

На меня этот вой действовал раздражающе, я ревел и просил не петь эту бесконечную песню. Нянька сердилась на меня, уговаривала:

- Дурачок,- чего боишься? Не про волков поем.

О сказках. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Ну, давай повеселее,- предлагала бабушка. Песня "повеселее" тоже не казалась мне веселой.

Родила детей Устюша - не думала,
Народила семерых - пригорюнилась.
Ой, да чем же их кормить-поить,
Ой, да как же уму-разуму учить?

Запевка звучала как будто весело, а дальше песня становилась все более тягучей, печальной. Я уже, разумеется, не помню эти песни целиком, в памяти остались только отрывки, отдельные строки. Лет с пятнадцати я начал записывать те из них, которые мне наиболее нравились, но в кочевой жизни моей тетради записок легко терялись, а две, в которых много было записано казанских и вятских и других песен, отобрали при аресте нижегородские жандармы и не возвратили мне. Особенно часто старухи пели веселую разбойничью песню, я помню ее не всю и, вероятно, в искаженном виде, а в памяти она осталась крепче других, потому что бабушка пела ее, смешно притопывая ногой и ловко вторя треском коклюшек:

Эх, ребята, да куда же мы пойдем?
Где покажем удаль, силушку свою?
В городах - воеводы сидят,
Мужикам - воеводами не быть,
Золотой парчи кафтанов не носить.
Во степях - там татаре снуют,
Ищут - где кого пограбить им,
Супротив ногаев - мало нас,
Заарканят нас татары, перебьют,
Кто останется - в полон уведут.
В деревнях - нища братия живет,
Нам отцами доводится,
С господами хороводится.
Замахнешься на боярина,
А ударишь - крестьянина!
Эх, ребята, горе-горькое!
Да пойдете-ко во темные леса,
На просторные дороги погулять,
Со купцами кистенями поиграть!
Наиграемся - покаемся,
Захороним себя в монастыри,
Понаденем монашьи клобуки.
Атаману быть игуменом,
Эсаулу - обедню служить,

Нам, монахам, – монашенок любить!

Разбойников я любил, дед рассказывал о них так хорошо и похвально, что мне казалось: жалеет он, что не пошел в разбойники, а на всю жизнь сделался красильщиком. В добрый час я даже спросил его: "Жалеешь?"

– Разбойников казнят, плетями секут, – ответил он, и это было неубедительно: меня тоже секли за озорство, а я все-таки и все больше озорничал, – к этому меня толкала тяжелая и сердитая скука жизни. Чудеса сказок и песен были не ежедневны и даже не очень часты, но ежедневно у нас в доме, полном мелкой, хитренькой и подлой "нечистой силы", творились другие чудеса.

В кухне, под печью, жил "хозяин", "домовой", бабушка сказывала, что это – маленькое, мохнатое, зеленоглазое существо, похожее и на ежа и на котенка, но двуногое. Днем он сидел смиренно, а ночью вылезал, топал по всем комнатам, возился на чердаке, гонял крыс и мышей под полом и вообще развлекался пустяками: удерживал под печью кочергу так, что ее нельзя было сразу вытащить, бросал на пол ухваты, надбивал посуду – на горшках, плошках, тарелках являлись трещины, наполнял дом шорохом, скрипом, треском и вообще мелко, но непрерывно и назойливо вредительствовал.

Я в домового верил. Ночами, просыпаясь, прислушивался к тихому, воровскому шуму его забав, ждал, что он вскочит ко мне на сундук, начнет щекотать или откусит нос, оторвет ухо. Было очень неприятно ожидать таких поступков, и некоторое время я даже прятал под подушку фунтовую гирию для обороны против "хозяина". Но однажды рано утром, когда пили чай, на чердаке что-то упало, затем раздался еще и еще удар. Кто-то крикнул:

– Ой, что это?

Дед, нахмурясь, перекрестился, взял железный аршин и пошел на чердак, за ним последовал мастер Григорий, испуганно, молча пошли и все другие. Дед вернулся очень скоро и сердито оказал:

– Домовой балует, три кирпича из дымохода выломал. Это он – не к добру.

А кирпичи выковырял я, выковырял, но чтоб они не выпали, укрепил их лучинками. В ту пору был Петров пост, в доме благочестиво ели постное – щи с грибами сушеными, толокно, овсяной кисель, квашеную капусту. Мне все это не нравилось. Работая под крыс, я таскал куриные яйца и питался ими, но сырые они были невкусны. Тогда я решил сделать в дымоходе горнушку, надеясь, что яйца испекутся в ней, но раньше, чем я успел убедиться в правильности этой затеи, "домовой" разрушил ее. Этим он убил сам себя – я перестал верить в то, что он существует.

Домовой исчез, остались черти. Они злостно действовали всюду: в подполье, в погребе, на чердаке и по всем комнатам дома. Они выпускали квас из бочки, топили крыс и мышей в рассоле огурцов, подсовывали кошек под ноги людей, воровали и прятали разные мелкие вещи – ножницы, ключи, наперстки, нужно было ходить из комнаты в комнату, упрашивая:

"чёрт, чёрт – поиграй, да назад отдай!"

Эта фантастика домашних чудес была обыденна, мелка, бесцветна и очень скоро надоела мне. Черти были приятно забавны только тогда, когда о них рассказывала бабушка, но она обо всем умела рассказать так, что от ее слов всегда оставалось незабываемое до сего дня чувство крылатой радости. Чудеса ее песен и стихов, нянькиных сказок возбуждали желание самому творить чудеса. Нянька Евгения боялась чертей и брезговала ими, как "нечистью" лягушками, мышами. Дед тоже охотно и даже с умилением рассказывал о чудесах угодников божьих, о том, как они ловили чертей в рукомойниках и, оседлав чёрта, летали верхом на нем из Москвы в Палестину, в Иерусалим слушать обедню, причем путешествие туда и обратно отнимало всего час времени.

Что же дали мне песни и сказки? Я уже упомянул, что за сказками, за песнями мною чувствовалось какое-то сказочное существо, творящее все сказки и песни. Оно как будто и не сильное, но умное, зоркое, смелое, упрямое, все и всех побеждающее своим упрямством. Я говорю – существо, потому что герои сказок, переходя из

О сказках. Максим Горький gorkiymaxim.ru
одной в другую, повторяясь, слагались мною в одно лицо, в одну фигуру.

Существо это совершенно не похоже на людей, среди которых я жил, и чем взрослее становился я, тем более резко и ярко видел я различие между сказкой и нудной, жалостно охающей, будничной жизнью ненасытно жадных, завистливых людей. В сказках люди летали по воздуху на "ковре-самолете", ходили в "сапогах-скороходах", воскрешали убитых, спрыскивая их мертвой и живой водой, в одну ночь строили дворцы, и вообще сказки открывали предо мною просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная, бесстрашная сила. И, само собой разумеется, устная поэзия трудового народа, - той поры, когда поэт и рабочий совмещались в одном лице, - эта бессмертная поэзия, родоначальница книжной литературы, очень помогла мне ознакомиться с обаятельной красотой и богатством нашего языка.

Мне было лет двенадцать, когда я спросил деда: зачем чертям в рукомошниках сидеть? Чёрт - не рыба, ему в воде - неудобно. Если черти невидимы, как же можно поймать чёрта и ездить верхом на нем? Все это непонятно. А вот в сказках - понятно: там летают на коврах, скоро ходят в сапогах...

- Дурак, - сказал дед, усмехаясь, а затем нахмурился и добавил: Болван.

После чего крепко ударил меня по затылку и выгнал вон из комнаты. Я уже тогда пробовал служить "в людях", был некоторое время "мальчиком" в магазине обуви, у меня подживали руки, обваренные кипящими щами, бабушка забинтовала их тряпками, и я маялся от нестерпимого зуда в коже.

Помню - выскочил в сени, встал в двери на двор. Дальше путь был занавешен густейшим дождем, он изливался на землю обильно и стремительно, даже с воем, со свистом. Мне тоже хотелось быть волком. Я высунул забинтованные руки под дождь, и он быстро успокоил и зуд кожи и обиду. Может быть, с того дня я потерял уважение к деду и всякий интерес к чудесам угодников божьих. И мне еще больше дороги стали герои сказок. Позднее, когда я внимательно прочитал литературу церковников - "жития святых", мне стало ясно, что чудеса, о которых рассказывает церковь, заимствованы ею из мудрых древних сказок, так что и тут, - как везде и во всем, - церковники жили за счет здоровой, возбуждающей разум творческой силы трудового народа.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!